

УДК 091(571.17)

**СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ МУЗЕЙНОЙ ОТРАСЛИ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВВ.***С. В. Зяблицева***FORMATION AND EVOLUTION OF MUSEUM WORK IN WESTERN SIBERIA
IN THE END OF THE XIX – FIRST THIRD OF THE XX CENTURIES***S. V. Zyablitseva*

Статья посвящена истории музейного дела в Западной Сибири на этапе его становления в конце XIX в. и последующего развития в первые десятилетия советской власти. Анализируются материальные, финансовые и кадровые ресурсы отрасли, основные формы работы музеев. Особое внимание автор уделяет обстоятельствам перехода советских музеев от общепринятой двуединой функции – научно-исследовательской и культурно-просветительной – к агитационно-пропагандистской, что в конечном счете уподобило их учреждениям клубного типа.

The article is devoted to the history of museum work in Western Siberia at a stage of its formation in the end of the XIX century and its development in the first decades of the Soviet power. Material, financial and staff resources of branch, the basic forms of work of museums are analyzed. The author gives special attention to circumstances of transition of the Soviet museums from the standard two-uniform function – research and cultural and educational – to agitation and propaganda that which, finally, assimilated them to establishments of club type of that time.

Ключевые слова: музей, краеведческий музей, краеведение, музейное дело, Западная Сибирь.

Keywords: museum, museum of local lore, study of local lore, museum work, Western Siberia.

Историографическая ситуация, применительно к рассматриваемой в статье теме, характеризуется преобладанием работ, в своем абсолютном большинстве посвященных наиболее известным музеям региона. Не исключением в данном случае является и последняя по времени выхода в свет монография, практически полностью основанная на ранее опубликованных материалах того же плана [30]. Оставшуюся небольшую нишу заполняют преимущественно труды ученых, придерживающихся историко-культурологического подхода. В подобных обстоятельствах за пределами исследований остаются многие аспекты концептуального порядка, характеризующие региональную музейную систему в целом, в том числе касающиеся практики советского государства по реформированию отрасли в качестве одного из «приводных ремней» от партии к массам. Исходя из сказанного, автор ставит своей целью восполнить образовавшийся историографический пробел, что, возможно, позволит расширить существующие представления не только о музейном, но и всем социокультурном пространстве Западной Сибири в пределах последних дореволюционных и первых постреволюционных десятилетий ее истории.

Известно, что первый музей в западно-сибирском регионе – «Горный музей» Управления Кольвано-Воскресенских (Алтайских) заводов, сохранивший не только модели машин и инженерных сооружений, но и минералогическую коллекцию, ботанические, энтомологические и другие собрания, был открыт в 1823 г. [8, с. 391]. Однако в особую социокультурную систему музейная сеть региона стала складываться лишь в конце XIX – начале XX вв., характеризовавшихся процессом активного торгово-промышленного освоения Сибири и актуализировавшейся в связи с этим необходимостью

комплексного изучения края, его истории, экономики, природных ресурсов, вызвавшей «бум» краеведческого движения и музейного дела, как его естественной составляющей. При этом в сибирском обществе музей изначально позиционировался как «... учреждение, носящее двойственный характер: с одной стороны, он должен исследовать и изучать, с другой – популяризировать знания и учить, следовательно, это учреждение и ученое, и учебное. В этой двойственности музея его сила и значение». (Из Устава Тобольского губернского музея. 1915 г.) [5].

Учреждавшиеся поначалу для сбора, хранения и изучения краеведческого материала, музеи в условиях Западной Сибири постепенно превращались «в доступное средство и место общения всех и каждого с миром культуры...» и, будучи ядром культурного пространства территорий, «органично вписывались в структуры других городских культурных и образовательных мест» [20, с. 40]. Чему, добавим, способствовало и такое, характерное для этого периода обстоятельство, как появление, наряду с краеведческими, долгое время именовавшихся «музеями местного края», «местными музеями», музеев другого типа – школьных, научно-образовательных, родиноведения, прикладных знаний и наглядных пособий, музеев по отраслям муниципальной деятельности и т. д. Тогда же, по наблюдениям известного сибирского музееведа Н. А. Томилова, «были выявлены структуры музееведения, разработаны теоретические понятия и методика музейного дела, проанализированы отдельные виды музейных источников» [27, с. 10].

В силу их разнообразного предназначения музеи Западной Сибири формировались в качестве структурных элементов общественных либо учебных учреждений: регионального отдела Русского географического общества в Омске, научного

любительского общества исследователей края – в Барнауле, Томского университета, органов народного образования и просвещения [17]. Роль государства при этом чаще всего ограничивалась моральной поддержкой, регистрацией музеев, утверждением их уставов, выделением единовременных пособий, содействием в сборе пожертвований на постройку музейных зданий и организацию научных экспедиций. Не имея ни своего законодательства, ни специального ведомства, музейное дело в дореволюционной России так и не стало «делом государевым». Весьма показателен в этой связи «крик души» одного из авторов «Сибирской газеты», который, оценивая бедственное положение омского краеведческого музея и не надеясь на помощь властей, взывал к читателям: «Может быть, найдутся люди, которые пожелают поработать в пользу науки и помогут привести музей в такое состояние, что он достойно будет представлять сибирскую природу и сибирскую историю» [31, с. 28].

Образовавшийся в музейной сфере страны организационно-законодательный вакуум со свойственной ей стремлением к централизации весьма оперативно ликвидировала советская власть, оказавшая активную поддержку как почти беспроblemно «перешагнувшему рубеж 1917 г.» краеведческому движению, так и находящемуся с ним в единой «связке» музейному делу [18, с. 301].

Уже в 1918 г. при Наркомпросе, наряду с другими «культурными» структурами, был учрежден музейный отдел во главе с женой Л. Д. Троцкого Н. И. Троцкой (в чем, как представляется, косвенно отражалось то значение, которое придавала музеям новая власть). Для создания единой системы руководства музейным строительством 7 декабря 1918 г. Наркомпрос вынес постановление об образовании подотделов по делам музеев и охране памятников «искусства и старины» при отделах Наробраза губсовдепов, в сферу деятельности которых входило «заведование музеями, реорганизация существующих и организация новых музеев в губернии, создание губернских музейных фондов для целесообразного распределения по плану, составленному Отделом при Наркомпросе» [3, с. 59]. Тем самым, в России впервые была создана единая государственная система управления музейной сферой, о чем задолго до революции ратовала краеведческая общественность. Одновременно, и также впервые, было разработано законодательство, регулировавшее отношения в области музейного дела, охраны памятников истории и культуры, гарантировавшее сохранность последних и их положение в качестве объектов народного достояния. Неудивительно, что в подобных обстоятельствах значительная часть музейных работников России пошли на сотрудничество с советским государством, что позволило решить «проблему сохранения культурного наследия страны, и прежде всего музейных ценностей, совместными усилиями новой политической власти и «старой» интеллигенции» [15, с. 129]. (Естественным образом вписывается в эту общую картину поведение сотрудников Омского краеведческого музея, не

давших вывезти музейные ценности с отходящими войсками Колчака) [29, с. 105].

В Западной Сибири по очевидной причине реализация политики встраивания музеев в централизованную систему началась лишь через год после принятия соответствующих политических решений. Так, при Томском Губнаробразе подотдел искусств с музейной подсекцией был организован лишь 17 декабря 1919 г., а подотдел по делам музеев – в августе 1920 г. В Новосибирске подобные оргрешения были приняты соответственно в декабре 1919 и апреле 1920 гг. [7, с. 41]. После чего стали постепенно расширяться как музейная сеть региона, так и масштабы краеведческой деятельности. Помимо сформировавшихся еще до революции краеведческих обществ Барнаула, Омска и Томска, аналогичные организации появились и в других поселениях региона. К марту 1923 г. в Сибири имелось 28 краеведческих обществ, часть которых была сформирована на базе местных музеев [16, с. 114 – 115]. В 1925 г. в Новониколаевске было организовано Общество изучения Сибири и ее производительных сил (ОИС), задачей которого являлась координация деятельности краеведческих организаций региона с целью всестороннего его изучения и дальнейшего освоения [32]. В проекте первого пятилетнего плана развития Западной Сибири отмечалось, что, «опираясь на ОИС, явится возможность втянуть в общее дело строительства народного хозяйства края все местные краеведческие организации, не разрозненные, как это было до настоящего времени, а организованным порядком» [33].

К моменту организации ОИС региональная музейная сеть уже представляла собой довольно развернутую структуру. Кроме функционировавших еще до революции Омского и Барнаульского краеведческих музеев, в пределах первой половины 1920-х гг. ее пополнили краеведческие музеи Новосибирска, Томска, Бийска, Камня-на-Оби, Улалы (Алтайский край), Прокопьевска, Мариинска и Каинска (Куйбышева) в Новосибирской области [9, с. 581]. Тем не менее по насыщенности «музейными единицами» (так в документах. – З. С.) Западная Сибирь к началу первой пятилетки все еще значительно отставала от других районов страны. Как фиксировалось в одном из правительственных постановлений 1928 г., «в Сибирском крае имеется совершенно недостаточное количество музеев» [13, с. 19]. Исправить ситуацию, если не в количественном, то в организационном и, как предполагалось, качественном плане, намечалось посредством внедрения системы районирования музейной сети Западной Сибири по естественно-географическому и административно-хозяйственному признакам. На основании решения региональной музейной конференции, проходившей в 1928 г. в Новосибирске, в зону Томского музея вошли территории среднего и нижнего течения Оби с частью Алтайских гор; Бийского – система рек Бия и Катунь; Омского – бассейна Иртыша с прилегающей казахской степью. Остальные должны были обслуживать территории, непосредственно к ним примыкавшие [8, с. 392].

Свою окончательную довоенную структуру музейная сеть Западной Сибири обрела в середине 1930 гг. К этому времени здесь имелось 3 мемориальных и 15 краеведческих музеев (краевой – в Новосибирске, базовые – в Омске, Томске, Кузнецке (Сталинске), Барнауле, Бийске, Ойротии и восемь районных (Ленинско-Омский, Барабинский, Парабельский, Маслянинский, Каменский, Кемеровский, Прокопьевский, Ленинск-Кузнецкий). Имелось и несколько музеев, получивших статус низовых (Тарский, Мариинский, Куйбышевский, Колпашевский и др.) [30]. Как и существовавшие ранее, вновь образованные музеи отличались комплексностью (многофункциональностью) и явственной ориентацией деятельности на идеи родиноведения, что, по мнению авторов соответствующего раздела Исторической энциклопедии Сибири, являлось «определяющей спецификой музейного дела в Сибири» [8, с. 392]. В краеведческих музеях региона в этот период в совокупности насчитывалось до 40 отделов, сформированных по самым различным критериям. В их число, как правило, входили естественно-исторический (геология, палеонтология, ботаника, зоология, энтомология) и культурно-исторический (археология, этнография, нумизматика) отделы [8, с. 392]. В шести музеях имелись антирелигиозные экспозиции, в трех – Омском, Томском и Ойротском – художественные, в начале – середине 1930-х гг. понесшие значительные потери. В Томске и Омске – преимущественно за счет передачи художественных экспонатов в историко-революционные, антирелигиозные, промышленные и другие отделы (только Омский музей подобным образом переадресовал 225 экспонатов), а Ойротский, основу художественной экспозиции которого составляли работы местных авторов, – еще и в связи с изъятием в 1937 – 1938 гг. работ «контрреволюционных националистов» [6, с. 35]. Благодаря, однако, значительным поступлениям из Государственного музейного фонда, Русского и Румянцевского музеев, Музея изящных искусств в Омске на базе художественной галереи краеведческого музея в 1940 г. удалось открыть самостоятельный музей изобразительного искусства [24, с. 115].

Прямым следствием расширения музейной сети региона, вкупе с наблюдавшимся в конце 1920-х – 1930-х гг. ростом населения Западной Сибири и его культурных запросов, явилось заметное усиление влияния музеев в рамках регионального социокультурного пространства: в целом по Западной Сибири число их посетителей уже в 1926 г. в шесть с лишним раз превысило уровень последнего дореволюционного года – 190 и 30 тыс. соответственно [8, с. 393]. Дальнейший рост посещаемости в довоенный период можно проследить на примере Новосибирского (краевого), Сталинского (базового) и Кемеровского (районного) краеведческих музеев. Если в первом из них этот показатель по результатам 1926 г. составлял 11,5 тыс. человек [34], то в 1933 г. такое же количество посетителей было отмечено уже в первом его полугодии, а в 1939 г. их численность превысила 54 тыс. человек [26, с. 79, 82]. В

2,4 раза (с 6,9 тыс. до 16,5 тыс.) возросло число лиц, индивидуально или в составе групп посетивших Сталинский музей в 1935 и 1940 гг., и в четыре с лишним раза – Кемеровский в пределах 1931 и 1940 гг. (соответственно 5,0 и 16,4 тыс. человек) [35]. Более стабильной была ситуация в старейшем музее Западной Сибири – Алтайском (Барнаульском), где посещаемость в 1926 – 1940 гг. колебалась от 24 до 29,5 тыс. человек в год [1].

Имея практически одинаковые «сферы влияния», музеи, даже входившие в одну и ту же категорию, обладали весьма различными материальными и финансовыми возможностями. В лучшем положении находились Омский и Новосибирский музеи, чьи расходы в этот период, после некоторого пребывания на местном бюджете, на уровне 60 % покрывало государство. Предоставлявшиеся им субсидии составляли соответственно 40 и 30 тыс. руб. в год (то есть почти 40 % всех средств, выделявшихся в совокупности всем краеведческим музеям Западной и Восточной Сибири). Труднее всего приходилось районным и низовым музеям, финансировавшимся на уровне от 2 до 10 тыс. руб. в год [8, с. 392], а потому и в условиях плановой системы субсидирования работавших в режиме постоянного поиска внебюджетных источников пополнения кассы. Ситуацию в этой группе характеризует отчет Кемеровского краеведческого музея за 1940 г. «Привыкли считать, – обращался его директор к местному руководству, – что затраты только на зарплату и хозрасходы. На самом деле основные траты: 1) научные исследования; 2) оборудование; 3) художественное оформление.

На оборудование и художественное оформление выделено 7 тыс., но из этой суммы за аренду надо отдать 5556 руб. Делайте вывод без моих объяснений» [36].

О том, что в подобном положении находились не только сибирские музеи, свидетельствуют выводы комиссии, обследовавшей ситуацию, сложившуюся в музейной сети РСФСР в предвоенные годы. В ее отчете отмечались:

- «ужасающе низкие оклады музейных работников» и вследствие этого уход ценных работников-специалистов;
- «страшное зло совместительства, которое совершенно обесценивает самого выдающегося специалиста и заставляет его заниматься халтурой»;
- «недостаточные кредиты на научно-исследовательскую и популяризационную работу»;
- плохие материальные условия музеев, «теснота и необорудованность помещений» [12, с. 132].

Как видим, основные проблемы отрасли авторы отчета усматривали в материальном и кадровом сегментах музейной сферы. Обращение в связи с этим к фактам, отражающим ситуацию в Западной Сибири, показывает, что, с точки зрения обеспечения помещениями и уровня их комфортности, в достаточно благоприятном положении находились Омский и Томский краеведческие музеи, с начала 1920-х гг. и вплоть до первых дней войны распола-

гавшиеся в первом случае в конфискованных аппаратах генерал-губернатора (согласие на это было дано еще Временным правительством), во втором – архиерея. Также в экспроприированных, но куда менее скромных помещениях, преимущественно представлявших собой бывшие купеческие магазины и дома, как правило, в одну-три комнаты, достаточно долгое время располагались Новосибирский, Ойротский, Каменский, Каинский, Ленинск-Кузнецкий и Кузнецкий музеи. Часть «новых» музеев (Кемеровский, Прокопьевский) квартировали в клубных помещениях [26, с. 76; 6, с. 34; 25, с. 5; 10, с. 13]. Не лучшей традицией при этом было неоднократное перемещение музеев из одного здания в другое, как правило, приводившее к потере части фондов, а также плачевное состояние музейных помещений, поскольку выделявшиеся скудные средства не позволяли производить не только капитальный, но и текущий ремонт. «Музей под угрозой», – взывал в связи с этим к властям посредством газеты «Советская Сибирь» директор Новосибирского краеведческого музея М. А. Кравцов [11]. На бедственное положение Сталинского музея в 1938 г. обращала внимание городская газета «Большевицкая сталь», писавшая о последствиях его перемещения «в заведомо непригодное и тесное помещение средней школы, где ему отвели только одну комнату» [37]. В чем, впрочем, не желая вдаваться в истинные причины проблемы, автор увидел лишь козни «подлых врагов народа, орудовавших в ГорОНО и горсовете и сделавших свое грязное дело». В 1939 г. был «уплотнен» Алтайский краевой музей, в связи с чем его экспозиционная площадь была сокращена на треть [1].

Как отмечалось в уже упоминавшемся отчете Кемеровского музея за 1940 г., «музей находится в самом нетерпимом положении. Помещение не отапливается. Температура доходила до – 5 градусов. Из убежища озерных рыб каждый день выпиливаем двухсантиметровый лед» [38]. Перед самой войной, 10 июня 1941 г., из-за угрозы обвала перекрытий в музее, пришлось закрыть экспозиционные залы [38; л. 8].

Не менее сложная ситуация наблюдалась и в кадровом сегменте музейной сферы, поскольку, как известно, обе проблемы – кадровая и финансово-материальная, «не ходят одна без другой». В соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 12 июня 1925 г., штат провинциального музея мог состоять не более, чем из 16 работников, начиная от его заведующего и хранителей и заканчивая дворником и истопником. В Западной Сибири подобное количество сотрудников разрешалось содержать лишь Омскому музею, по своему статусу приравненному к музеям столиц союзных и автономных республик [12, с. 151]. В других музеях региона численность сотрудников была значительно меньшей. Так, в штатном расписании Щегловского (Кемеровского) музея при его открытии имелись лишь две штатные единицы – заведующего и технического секретаря [10, с. 3].

Пример Кемеровского музея, где еще в 1940 г. не было ни одного научного сотрудника, а имевшиеся работники по очереди дежурили в качестве швейцаров [38, л. 5об.], наглядно демонстрирует тот факт, что «закрывать» даже весьма ограниченные штаты было делом весьма непростым. В одних случаях – из-за полного отсутствия претендентов, в других – по причине отмечавшихся ранее «ужасающе низких зарплат», в третьих – в силу того, что сложившаяся в конце 1920-х гг. командно-административная система управления сферой культуры, распространившаяся и на музейную систему, отторгала от нее старых работников, которые, по словам наркома просвещения А. С. Бубнова, «нередко хорошо знают «вещи» ..., но в то же время очень далеки от марксизма, а подчас даже враждебны ему» [39]. Не удивительно в связи с этим, что, как отмечалось в одном из документов Наркомпроса РСФСР, в музейной отрасли наблюдались «частая смена и текучесть кадров, случайность подбора и недостаток подготовки их к музейной работе» [12, с. 162]. Типичная иллюстрация тому – ситуация в Ойротском (Горно-Алтайском) краеведческом музее, где с 1927 по 1941 г. сменилось 12 директоров, как правило, являвшихся и научными сотрудниками [6, с. 35]. В среднем один раз в два года менялись директора в Барнаульском (с 1937 г. – Алтайском) музее [1]. Более десяти директоров к 1938 г. насчитывала недолгая история Новосибирского музея [26, с. 80]. Не исключено, что некоторых из них накрыла волна репрессий 1930-х гг., в музейной сфере начавшаяся в 1934 г. с «Дела Русского музея», участникам которого инкриминировалось создание Российской национальной партии [28, с. 192]. К такому выводу подталкивает, в частности, пример Томского краеведческого музея, где в довоенные годы один за другим были репрессированы директор М. Б. Шатилов, Г. М. Котт, А. С. Улемов, а также библиотекарь Г. А. Ильинский и фотограф Г. Т. Прибуро [2, с. 16]. Был арестован, а затем расстрелян один из первых организаторов музейного (а также театрального) дела в Западной Сибири В. Д. Вегман. На смену же им приходили «проверенные партийные кадры», весьма далекие от музейной сферы, что хорошо видно на примере Кемеровского музея, где вместо прежнего руководителя Р. П. Матусовой, долгое время работавшей в Русском музее, в 1937 г. был назначен Ф. В. Виноградов, послужной список которого короток, но показателен: гравировщик на заводе – комсомольский активист, секретарь парткома треста Автотранс [40]. Как о редком исключении журнал «Советский музей» в том же 1937 г. писал о директоре музея Кузметкомбината Е. М. Полянской: «Это опытная музейная работница со стажем и высшим образованием» [23].

Недостаточное финансирование и ограниченный кадровый потенциал были основной причиной того, что для основной части музеев Западной Сибири в период их довоенного функционирования главным источником пополнения фондов являлись не результаты собственной научно-исследовательской (поисковой) работы, а пожертвования частных лиц, доля

которых постепенно сокращалась, отдельных организаций, учреждений и предприятий, а в некоторых случаях – взаимообмен коллекциями между музеями, включая музеи других регионов страны. «Экспедиции же, – характеризует ситуацию, применительно к Новосибирскому музею, Н. А. Томилов, – были относительно редкими» [26, с. 82], приводя в связи с этим лишь несколько локальных примеров подобного рода деятельности. Ту же тенденцию, на сей раз в системе музеев Кузбасса, выявила Н. Ф. Кустова, заметившая, что во многих музеях этой группы «научно-исследовательская и собирательная работа на протяжении многих лет практически не велась» [14, с. 78]. В этом плане, в силу отмечавшихся ранее благоприятных обстоятельств, заметно выделялись Томский и Омский музеи, объемы научно-исследовательской деятельности которых позволяли им выпускать собственные научные «труды», в то время как другие музеи результаты изысканий своих сотрудников публиковали либо в непрофильных изданиях, либо в периодической печати, чаще всего – в журнале «Сибирские огни». Целенаправленно занимались научно-исследовательской деятельностью и в Алтайском краеведческом музее, являвшемся притягательным центром не только для местных, но и иногородних специалистов [1].

На характер научно-исследовательской и поисковой работы музеев, как и на всю музейную культуру советской эпохи, решающим образом влияли изначальные требования властей о превращении этих учреждений в «базы массовой краеведческой работы, в аппарат, демонстрирующий, пропагандирующий народнохозяйственное и социально-культурное строительство, активно участвующий в строительстве социализма» [21, стб. 574]. Однако достаточно длительное время, практически вплоть до конца 1920-х гг., подобное направление музейной деятельности не было главенствующим. Экспозиции, призванные разрушать религиозное мировоззрение, демонстрировать успехи национальной политики советского государства в промышленном и сельскохозяйственном строительстве, материалы о революции и гражданской войне хотя и регулярно демонстрировались, однако без претензий на доминанту.

Принципиально новые задачи (а с ними и проблемы) перед музейными работниками встали после вышедшего в августе 1928 г. Постановления ВЦИК и Совнаркома РСФСР «О музейном строительстве в РСФСР», в котором от них требовалось приблизить работу музеев к «задачам социалистического строительства», а также строить экспозиции «на базе марксистско-ленинской методологии» [4, с. 29]. Отныне, с позиций «коммунистической точки зрения» (так в документах. – З. С.), музеи должны были выступать не столько в качестве научно-исследовательских и культурно-просветительских, сколько «политпросветовских учреждений», обязанных, наряду с «просвещением масс в духе коммунистической идеологии», активно участвовать в ударных кампаниях по выборам в Советы, по поднятию урожайности, по

антирелигиозной пропаганде, по госзаймам, по пропаганде пятилетнего плана, по посевной кампании и в прочих общественно-политических и хозяйственных мероприятиях.

Новая концепция музейного строительства, пробиравшая себе дорогу с середины 1920-х гг. (попытки унифицировать структуру музеев и включить в нее отдел революции содержались еще в «Положении о губернском музее» 1925 г.) [18, с. 300], в законченном виде и в порядке директивы была озвучена в письме-приветствии первому съезду музейных работников в ноябре 1930 г. Наркомом просвещения РСФСР А. С. Бубновым, указывавшем, что «в условиях нынешнего периода кадрам музейных специалистов необходимо окончательно порвать с тем политическим нейтралитетом, который в обстановке развернутого социалистического строительства по всему фронту совершенно нетерпим и является главной помехой для проведения реорганизации всего музейного дела» [41]. На региональном уровне «новая музейная и краеведческая политика» была закреплена в решениях Первого западно-сибирского краевого музейного совещания, проходившем в Новосибирске в 1932 г., после которого местные музеи главной целью своей деятельности провозгласили «не только изучение Западно-Сибирского края, но и демонстрацию материалов в целях коммунистической пропаганды на основе марксистско-ленинской методологии» [42]. Однако в реальности работа по реорганизации музейной деятельности, в процессе которой было необходимо «преодолеть реакционное рутинерство», «поставить музеи на службу классовой борьбе пролетариата и победоносному продвижению вперед социализма», а также организовать музейную работу «на принципах материалистической диалектики» [41, л. 16 – 17], шла довольно медленно, что потребовало принятия в 1934 г. еще одного постановления ВЦИК: «О состоянии и задачах музейного строительства в РСФСР» [22].

В соответствии с новой концепцией музейного дела при сборе экспонатов и организации экспозиций преимущество отныне следовало отдавать (и отдавалось) не столько истории, археологии или этнографии, сколько промышленному и сельскохозяйственному развитию территорий. («Проведены сборы экспонатов по развитию овощеводства и животноводства, – отчитывалось руководство Барнаульского музея за 1935 г., – составлены коллекции ядов, применяемых в сельском хозяйстве для защиты растений, испытанных сортов пшеницы, ячменя, проса, коллекция сорняков ... Промышленный отдел: работа была сосредоточена на изучении тем: хлебозавод, мясокомбинат, меланжевый комбинат. ... Сотрудники музея приступили к изучению «теоретического материализма» [1]). При этом формирующиеся по единому образцу экспозиции должны были демонстрировать образцы торжества социализма. А поскольку в большинстве музеев подтверждающие этот факт подлинные материальные образцы отсутствовали, то их сотрудники, вопреки советам местных органов культуры, «начать

изготавливать эти предметы самим» [19, с. 115], прибегали к повсеместному использованию вспомогательного иллюстративного материала в виде диаграмм, схем, в лучшем случае – фотографий, использовавшихся не только в передвижном, но и стационарном вариантах музейной работы. Впрочем, иной способ формирования экспозиций вряд ли мог быть использован при организации выставок на такие предлагаемые свыше темы, как «История народнического движения», «Борьба за создание в России социал-демократической партии», «Период реакции» или «Окончательная победа социализма в СССР и Сталинская Конституция».

В заключение отметим, что изменение парадигмы музейного дела, повлекшее за собой не только трансформацию музейных отделов и переход на новый принцип формирования экспозиций, содержание которых далеко не всегда было связано со спецификой региона, но и расширение, а во многом и изменение социального состава посетителей, инициировало преимущественное использование таких форм работы, как экскурсии, лекции, беседы, основной целью которых все более становилась пропаганда революционных идей и задач социалистического строительства. В силу чего краеведческие музеи, первоначально замышлявшиеся как «провинциальные академии наук», «живые энциклопедии края», «ученые центры для окружающей местности» [18, с. 299] и достаточно долго в той или иной мере выполнявшие эти функции, начиная с конца 1920-х – начала 1930-х гг., фактически стали уподобляться учреждениям клубного типа, хотя де юре они по-прежнему позиционировались в качестве не только «политико-просветительного, но и научно-исследовательского учреждения» [43].

Литература

1. Алтайский государственный краеведческий музей: [сайт]. – URL: <http://www.agkm.ru>.
2. Григорьева, С. Е. История Томского областного краеведческого музея (1920 – 2000-е гг.) / С. Е. Григорьева: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2011.
3. Декреты и постановления Рабоче-крестьянского правительства по народному образованию. – Вып. 11. 1920. .
4. Ежегодник Наркомпроса. – 1929. – № 35.
5. Ежегодник Тобольского губернского музея. – Вып. 25. – Тобольск, 1915.
6. Еркинова, Р. М. История создания и современное значение Национального музея Республики Алтай им. А. В. Анохина / Р. М. Еркинова // Хранители наследия. Альманах Ассоциации муниципальных музеев. – Барнаул, 2003.
7. Ионова, О. В. О создании сети краеведческих музеев РСФСР в первые десять лет советской власти / О. В. Ионова // История музейного дела в СССР. – М., 1957.
8. Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2. – Новосибирск, 2009.
9. История музейного дела. – М., 1957.
10. Китова, Л. Ю. Из истории создания Кемеровского краеведческого музея (1920 – 1930-е годы) / Л. Ю. Китова // Разыскания. Историко-краеведческий альманах. – Вып. 5. – Кемерово, 1999.
11. Кравцов, М. А. Музей под угрозой // «Советская Сибирь». – 1925. 6 октября.
12. Кузина, Г. А. Государственная политика в области музейного дела в 1917 – 1941 гг. / Г. А. Кузина // Музей и власть. Из жизни музеев: сб. науч. трудов. Т. 2. – М., 1991. – Ч. 2.
13. Культурное строительство в РСФСР. Т. 2. – М., 1985. – Ч. 1.
14. Кустова, Н. Ф. Формирование и развитие малых и средних городов Кузбасса в условиях тоталитарной системы (конец 20-х – начало 50-х годов XX века) / Н. Ф. Кустова: дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2000.
15. Музейное дело в России. – М., 2003.
16. Музейное дело в СССР. – М., 1984.
17. Омский государственный историко-краеведческий музей: [сайт]. – URL: <http://ogik.sibmuseum.ru>; Томский государственный университет: [сайт]. – URL: <http://www.tsu.ru>; Зоологический музей Томского государственного университета: [сайт]. – URL: <http://zoomuseum.ru>; Томский областной краеведческий музей: [сайт]. – URL: <http://museum.trecom.tomsk.ru>; Алтайский государственный краеведческий музей: [сайт]. – URL: <http://www.agkm.ru>.
18. Российская музейная энциклопедия. – М., 2005.
19. Рубан, Н. И. Советская власть и музейное строительство на Дальнем Востоке России (1920 – 1930-е гг.) / Н. И. Рубан. – Хабаровск, 2002.
20. Рыженко, В. Г. Музеи в культуре сибирских городов в первой трети XX в. / В. Г. Рыженко // Проблемы музееведения и народная культура. – Новосибирск, 1999.
21. Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. – Новосибирск, 1932.
22. «Советский музей». – 1934. – № 1.
23. «Советский музей». – 1937. – № 5.
24. Спирина, И. В. Художественная галерея Западно-Сибирского краевого музея и художественно-промышленный техникум им. М. А. Врубеля / И. В. Спирина // Проблемы музееведения и народная культура. – Новосибирск, 1999.
25. Сущенко, Е. М. Из истории Новокузнецкого краеведческого музея / Е. М. Сущенко // Новокузнецкий краеведческий музей. 70 лет. – Новокузнецк, 1998.
26. Томилов, Н. А. Новосибирский областной краеведческий музей в 1920 – 1987 гг. / Н. А. Томилов // Проблемы музееведения и народная культура. – Новосибирск, 1999.
27. Томилов, Н. А. О музееведении и некоторых его дефинициях / Н. А. Томилов // Проблемы музееведения и народная культура. – Новосибирск, 1999.

28. Формозов, А. А. Русские археологи и политические репрессии 1920 – 1930-х гг. / А. А. Формозов // Российская археология. – 1958. – № 8.
29. Цивина, Н. С. История культуры Сибири: музеи на общественных началах / Н. С. Цивина // Социально-культурные процессы в Советской Сибири: тезисы докладов областной научной конференции. – Омск, 1985.
30. Шелегина, О. Н. Музеи Сибири. Очерки создания, развития, адаптации / О. Н. Шелегина. – Новосибирск, 2010.
31. Шелегина, О. Н. Развитие музейного дела в Сибири во второй половине XIX в. (по материалам периодической печати) / О. Н. Шелегина // Проблемы музееведения и народная культура. – Новосибирск, 1999.
32. ГАНО. Ф. 217. Оп. 1. Л. 1.
33. ГАНО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 560. Л. 86-87.
34. ГАНО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.
35. ГАКО. Ф. 1088. Оп. 1. Д. 1. Л. 21; Д. 7, Л. 6, Д. 11. Л. 21.
36. ГАКО. Ф. 1088. Оп. 1. Д. 7. Л. 5 об.
37. ГАКО. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 7. Л. 170.
38. ГАКО. Ф. 1088. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.
39. ГА РФ. Ф. А 2307. Оп. 15. Д. 42. Л. 16.
40. ГАКО. Ф. 1088. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.
41. ГА РФ. Ф. А 2307. Оп. 15. Д. 42. Л. 15.
42. ГАНО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-4.
43. ГА РФ. Ф. А 2306. Оп. 70. Д. 1141 а. Л. 174.